

Иоанн Фока

**Православный Палестинский
сборник. Том 8**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
И75

Иоанн Фока
И75 Православный Палестинский сборник. Том 8 / Иоанн Фока – М.: Книга по Требованию, 2021. – 116 с.

ISBN 978-5-518-06582-6

Выпуск 2. Сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о святых местах Палестины, конца XII века.
Издание Императорского Православного Палестинского общества.

ISBN 978-5-518-06582-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ІОАННА ФОКИ

Сказаніе вкратцѣ о городахъ и странахъ отъ Антіохіи до Іерусалима,
также Сиріи, Финикіи и о Святыхъ мѣстахъ въ Палестинѣ

конца XII вѣка

Мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія объ авторѣ издавнаго нами „Сказанія“. Всѣ они замѣтуются цѣликомъ отчасти изъ текста его книги, отчасти изъ надписей на ней и сводятся къ слѣдующимъ фактическимъ подробностямъ относительно его происхожденія, времени и обстоятельствъ его жизни.

Изъ книги его видно, что онъ былъ современникъ византійскаго императора Мануила Комнина (1143 — 1180).

Изъ двухъ надписей, сдѣланныхъ на манускриптѣ, открытомъ и изданномъ первоначально Аллиціемъ, изъ которыхъ одна сдѣлана на полѣ манускрипта, другая на верху его, видно, что онъ родился въ Критѣ, что отецъ его впоследствии постригся въ монахи съ именемъ Матоея на островѣ Патмосѣ, гдѣ и скончался, что самъ онъ назывался Іоанномъ, былъ священникомъ и Святыя мѣста посетилъ въ 1185 году. Вторая надпись буквально гласитъ: „сынъ іерея (Іоанна) Фоки изъ Крита пишу теперь имя“...

Такимъ образомъ извѣстіе о Критскомъ происхожденіи Іоанна Фоки заимствуется изъ второй надписи и лишь остальные изъ первой.

Очевидно, вопросъ о достовѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ этими надписями, находится въ неразрывной связи съ вопросомъ о подлинности самыхъ надписей,

II

т. е. другими словами: принадлежит ли первая надпись самому Иоанну Фокѣ, а вторая его сыну. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на вопросъ о подлинности надписей, въ утвердительномъ же смыслѣ долженъ разрѣшиться и вопросъ о достовѣрности заключающихся въ нихъ свѣдѣній.

Вопросъ же о подлинности надписей находится въ такомъ положеніи. Алліцій обходитъ его молчаніемъ. Парижскій издатель прямо ставитъ его только относительно второй надписи и, признавая принадлежность ея сыну Иоанна Фоки безъ оговорокъ, замѣчаетъ а) что слово *τοῦτον* приписано другой рукой и б) что самое имя сына, которое должно бы слѣдовать за этимъ словомъ, отрѣзано переплетчикомъ при переплетѣ. Относительно первой записи, не ставя вопроса о ея подлинности, онъ ограничивается сообщеніемъ слѣдующихъ свѣдѣній: а) что первоначально эта надпись сдѣлана была красными чернилами, б) что по этимъ черниламъ она была потомъ подновлена чьей-то неискусной рукой черными чернилами и в) что въ настоящее время красная надпись сдѣлалась вполнѣ неудобочитаемою. Такимъ образомъ вопросъ о подлинности обѣихъ надписей (такъ какъ и подлинность второй надписи принимается парижскимъ издателемъ на вѣру) остается открытымъ и долженъ оставаться таковымъ до тѣхъ поръ, пока „опытные палеографы не подвергнутъ тщательному разсмотрѣнію всей рукописи съ палеографической точки зрѣнія“, по справедливому замѣчанію парижскаго издателя, и не возобновятъ ея текста.

Не разрѣшая вопроса о подлинности надписей, оба издателя (аббатъ Минь въ счетъ не идетъ, такъ какъ онъ лишь перепечаталъ Алляціевское изданіе), не возбуждаютъ также вопроса и о подлинности самой руко-

писи, т. е. есть ли это автографъ самого автора, или копія съ него, и если—копія, то къ какому должна быть отнесена времени. А пока эти вопросы не рѣшены и въ частности пока не доказано: а) что въ единственной, уцѣлѣвшей до нашего времени, рукописи мы имѣемъ автографъ автора (или его сына подъ его диктовку) и б) что надписи и текстъ писаны одной рукой (т. е. или автора, или его сына), до тѣхъ поръ свѣдѣнія, сообщаемыя надписями, должны считаться только вѣроятными. За таковыя мы и будемъ ихъ принимать.

Для опредѣленія званія и общественнаго положенія нашего автора мы имѣемъ слѣдующія данныя. Въ обѣихъ надписяхъ онъ называется іереемъ, въ своей книгѣ онъ увѣряетъ, что онъ „соратоваль“ императору Мануилу Комнину. Внутренняго противорѣчія между этими двумя данными нѣтъ. Онѣ могутъ быть согласованы посредствомъ двухъ предположеній: а) или авторъ былъ сначала воиномъ, а потомъ священникомъ, или б) былъ полковымъ священникомъ и въ этомъ званіи принималъ участіе въ походахъ Мануила, такъ какъ выраженіе „соратоваль“ допускаетъ и это второе толкованіе. Близкое знакомство автора съ священнымъ писаніемъ и церковной письменностью, его тяготѣніе „къ предметамъ божественнымъ“ и глубоко-церковное настроеніе, повидимому, говорятъ въ пользу втораго предположенія, но рѣшающаго значенія всѣмъ этимъ признакамъ придавать нельзя, потому что все это въ то время не было рѣдкостью и въ свѣтскихъ людяхъ, какъ не можетъ быть доказательствомъ противнаго знакомство его съ нѣкоторыми произведеніями свѣтской литературы и притомъ эротическаго характера. Болѣе твердую точку опоры для выбора между этими двумя одинаково вѣроятными предположеніями могло бы дать болѣе точное опредѣ-

IV

леніе времени участія его въ походахъ Мануила Комнина. Изъ этихъ походовъ онъ упоминаетъ о походѣ въ Аталію, во время котораго онъ въ первый разъ встрѣтился съ извѣстнымъ старцемъ—Ивиромъ, о чемъ онъ говоритъ въ 21 гл. своей книги. Но такъ какъ: а) походы Мануила были весьма часты, б) едва ли они были всѣ записаны, в) едва ли могутъ быть точно опредѣлены даты даже записанныхъ походовъ, г) едва ли этимъ путемъ можетъ быть установленъ возрастъ, до котораго авторъ могъ находиться въ военной службѣ (предполагая, что онъ въ это время былъ свѣтскимъ человекомъ-воиномъ) и потомъ, по окончаніи ея, сдѣлаться священникомъ и имѣть сына и, наконецъ, д) такъ какъ значеніе всѣхъ этихъ данныхъ (предполагая, что намъ удалось бы ихъ добыть) могло бы быть уничтожено простымъ предположеніемъ, что сынъ его, родившійся отъ война, могъ называть себя „сыномъ священника“ по послѣднему званію своего отца, то мы и отклоняемъ отъ себя эту бесплодную работу и тѣмъ болѣе, что въ сущности дѣло идетъ о рѣшеніи вопроса: былъ ли авторъ священникомъ уже въ то время, когда „сотраговалъ“ императору Мануилу, или сдѣлался таковымъ по выходѣ въ отставку изъ военнаго званія? Алляцій, кромѣ того, присовокупляетъ, что (подъ конецъ своей жизни) нашъ авторъ сдѣлался монахомъ и въ этомъ званіи предпринялъ путешествіе ко Святымъ мѣстамъ въ 1185 г., и ссылается при этомъ на первую надпись; но въ ней говорится лишь о монашествѣ его отца, какъ переводитъ соответствующія слова греческаго текста и самъ Алляцій, и ни слова нѣтъ о монашествѣ его самого.

Изъ обстоятельствъ его жизни намъ извѣстны лишь тѣ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своей книгѣ. Къ

сожалѣнію, онъ крайне скупъ на подробности относительно своей личности и обстоятельствъ своей жизни, и если что либо сообщаетъ, то лишь мимоходомъ и по какому либо особому случаю. Кромѣ извѣстнаго уже намъ факта „соратованія“ императору Мануилу, его книгой удостовѣряется еще лишь фактъ путешествія его ко Святымъ мѣстамъ, причемъ онъ иногда упоминаетъ о липахъ, съ которыми раньше встрѣчался, и о мѣстностяхъ, которыя раньше видѣлъ, и которыя чѣмъ либо напоминаютъ описываемыя имъ на востокѣ мѣстности.

Больше можно извлечь данныхъ изъ книгъ автора для характеристики его, какъ человѣка и писателя. Самую выдающуюся чертою его, какъ человѣка, является, безспорно, его благочестіе. Кромѣ того, что оно достаточно констатируется самымъ фактомъ его паломничества, сопряженнаго въ то время не только съ большими трудностями, но и съ большими опасностями, оно ясно выражается и въ выборѣ предметовъ для описанія, и въ тонѣ, которымъ онъ говоритъ объ этихъ предметахъ. Касаясь отчасти и политической исторіи разныхъ странъ и городовъ, имъ описываемыхъ, главное свое вниманіе онъ сосредоточиваетъ на церковной ихъ исторіи, т. е. на тѣхъ лицахъ и событіяхъ, которыя представляютъ какой либо интересъ съ религіозной точки зрѣнія, при чемъ объ этихъ лицахъ и событіяхъ постоянно говоритъ тономъ глубокаго уваженія и сердечной симпатіи.

Второю выдающеюся чертою его характера нужно признать его скромность. Его скромное мнѣніе о самомъ себѣ достаточно удостовѣряется фактомъ молчанія о себѣ въ книгѣ, а судя по вступленію и заключенію, онъ былъ столь же скромнаго мнѣнія и о самой своей книгѣ.

VI

Главнымъ мотивомъ, заставившимъ его взяться за перо и описать свое путешествіе, было желаніе подѣлиться со своими читателями тѣмъ духовнымъ наслажденіемъ, которое самъ онъ испыталъ при видѣ этихъ мѣстъ— при чемъ тѣмъ, которые сами этихъ мѣстъ не видѣли, онъ имѣлъ въ виду дать болѣе точное объ нихъ представленіе, чѣмъ какое они могли получить изъ устныхъ разсказовъ другихъ лицъ, а тѣмъ, которые сами ихъ видѣли, напомятъ объ нихъ и тѣмъ оживить въ ихъ душѣ пріятныя чувства, испытанныя ими при личномъ ихъ посѣщеніи. Столь же скромно авторъ и оканчиваетъ свой трудъ, какъ началъ: „если (моимъ) читателямъ мой трудъ покажется полезнымъ, то я буду считать это вполне достаточнымъ для себя вознагражденіемъ. Если же вѣтъ, то да возвратится мое произведеніе ко мнѣ своему родителю, и своимъ лепетомъ да напоминаетъ мнѣ эти божественныя мѣста, чтобы, переносясь къ нимъ воображеніемъ чрезъ воспоминаніе, находить для себя сладкое утѣшеніе“.

Изъ книги его видно также, что онъ былъ человѣкъ по своему времени образованный. Объ обширной начитанности его въ священномъ писаніи и свято-отеческой литературѣ свидѣтельствуетъ каждая страница, чуть не каждая строка его книги, и не только въ тѣхъ цитатахъ, которыя онъ приводитъ изъ священныхъ книгъ по поводу тѣхъ или другихъ мѣстностей и связанныхъ съ ними событій изъ священной исторіи, сколько въ тѣхъ библейскихъ оборотахъ рѣчи и отдѣльныхъ выраженіяхъ, которыя сами ложились подъ его перо механически въ силу глубокаго и давняго усвоенія авторомъ не только взглядовъ и мыслей священныхъ и церковныхъ писателей, но и ихъ слововыраженія. Не чуждъ авторъ знакомства и со свѣтской литературой. Правда,

въ своей книгѣ онъ прямо цитуетъ лишь двухъ свѣтскихъ писателей—Юсифа Флавія и Ахилла Татія, автора извѣстнаго романа: *Любовь Клитобона и Левкитты*, но трудно предполагать, чтобы знакомство его съ свѣтской литературой ограничивалось этими двумя столь разнородными писателями.

Какъ писатель, онъ обнаруживаетъ довольно живую фантазію и чувство изящнаго какъ къ природѣ, такъ и къ произведеніямъ искусства. Съ какою любовію, на примѣръ, и въ то же время чувствомъ мѣры описываетъ онъ красивыя окрестности Антиохіи (гл. 2), или окрестности Тира (гл. 8), а также останавливается на деталяхъ картинъ, изображающихъ благовѣщеніе въ Назаретской церкви и рождество Христово съ группою волхвовъ и пастуховъ въ Виодеемской пещерѣ (гл. 27). Не забываетъ онъ также при описаніи того или другаго города отмѣтить: красивъ онъ, или нѣтъ, и сравнить его въ этомъ отношеніи съ другими городами.

Любознательность его стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; но это не любопытство дикаря, или слѣпо вѣрующаго, который съ одинаковымъ интересомъ на все набрасывается и все безъ разбора вноситъ въ свои записи. Правда, какъ человѣкъ глубоко-вѣрующій, и нашъ писатель вноситъ въ свою книгу не только чудесныя событія, совершившіяся въ той или другой мѣстности и записанныя въ священномъ писаніи, но и многія позднѣйшія и мѣстныя преданія; но относительно послѣднихъ онъ обнаруживаетъ замѣтную разборчивость: не отвергая прямо, онъ нѣкоторыя изъ нихъ проходитъ молчаніемъ, очевидно, потому, что они кажутся ему невѣроятными; такъ, на примѣръ, онъ умалчиваетъ о плащаницѣ, сдѣланной будто бы на манеръ видѣнной апо-

VIII

столомъ Петромъ, о звѣздѣ на днѣ Виолеемскаго коллодца, о стонахъ адскихъ душъ, слышимыхъ въ отверстіи за мнимымъ престоломъ Спасителя, находящимся въ вертепѣ близъ гроба Св. Дѣвы въ Геосиманіи, и о многомъ другомъ, что съ полною довѣрчивостію разсказывается, напр., у его предшественниковъ по паломничеству, монаха Епифанія и нашего игумена Давиѣла. Это молчаніе представляетъ характерную черту для писателя тогдашняго времени. Съ дѣйствительнымъ своимъ значеніемъ она выступаетъ у нашего писателя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ни его собственное, ни чужое религиозное чувство не становится между нимъ и его сужденіемъ о томъ или другомъ предметѣ; такъ, напр., онъ смѣло высказываетъ свое сомнѣніе въ справедливости мѣстнаго преданія на счетъ подлинности башни Давидовой (гл. 14).

Съ литературной точки зрѣнія трудъ нашего автора вѣрно оцѣнилъ еще Алляцій словами: *auctor elegans et accuratus, prout illa ferebant tempora, visus est.*¹

Вопросъ о времени написанія книги Іоанна Фоки находится въ такомъ положеніи. Въ первой надписи прямо сказано, что авторъ путешествовалъ по Святымъ мѣстамъ въ 1185 г. Алляцій принимаетъ эту дату безъ оговорокъ и, повидимому, отождествляетъ ее съ датой написанія самой книги. Но парижскій издатель усумнился въ ея подлинности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ точности, на слѣдующихъ двухъ основаніяхъ: а) на томъ, что счисленіе лѣтъ отъ Рождества Христова въ это время было необычно въ Византіи, гдѣ годы считались отъ сотворенія міра, и б) на томъ, что при современномъ состояніи текста надписи нѣтъ возможности установить и эту дату.

¹ Praefaciuncula ed. Allatiance.